

Имя от рождения — Рутра.

Сколько себя помню, это имя вызывало только теплые, согревающие сердце чувства. Связано это с человеком, который его мне подарил. Я никогда не чувствовал, что имя принадлежит мне, это подарок от самого дорогого мне человека, который по праву мог держать у себя в руках свое имя.

Первое воспоминание, которое ещё не угасло в песке времени, связывало неопишуемый комфорт и большую, теплую руку отца, которая то и дело трепала мою голову. Иногда мои глаза переносятся в то сказочное время, когда он ещё был жив, здоров и полон сил. Когда он ещё мог постоять за свое слово щитом и мечом.

Постоянного дома у меня никогда не было. Мы с отцом путешествовали, день за днём продвигаясь куда-то дальше вперёд. Никогда не понимал куда мы шли. И в проливной дождь, и в суровую вьюгу, и в самую сухую жару. Локации сменяли одна на другую, подобно тому как глаза могут быстро перемещаться по разным картинам, так и в моей памяти, снег менялся жарой, а та уступала зелёным зарослям непонятной травы и деревьям. Казалось, так и буду жить, всю жизнь в пешем ходе. Меня подобное не волновало, но, кажется такой способ жизни очень волновал моего отца.

Отец был сильным. Кто бы не вставал на нашем пути, будь то зверь, или человек, он побеждал всех без единого признака усталости, без царапин на теле. Даже ссадины обходили его лицо стороной. Мой родитель был всесильным отцом, который оберегал меня. Он смотрел вперёд, без капли страха, а карие глаза отражали лишь уверенность в завтрашнем дне.

Когда жизнь напоминает череду непрерывных походов, что-то да меняется. Со временем я привык к тому темпу, адаптировался к изменениям. Самые суровые бури меня не брали, а самые светлые дни не пекли. Мне было страшно смотреть, как в отличие от меня, отец так не умел.

Не знаю почему, однако ближе к моему пятилетию, он более не мог побеждать монстров так же просто, как и раньше. То ли ранее, я был глупее и не замечал царапин, то ли он, скрывал их намного искуснее. Мой идеал, никогда не треснет, а мир не рухнет. Отец — неподвижная гладь озера в которую, сколько не смотри, а все себя видеть будешь.

— А ты знал? — вот, снова воспоминания всплыли в голове.

Перед глазами полыхали языки пламени красного, а над ними, тянулся тонкий шлейф дыма. Между огнем и дымом был котелок. Сейчас в нем кипятилось мясо зверя. Поскольку зверь не был угрозой равной отцу, я не запомнил, ни как его звать, ни каким он был на вид из себя. Красная ли, серая ли, белая ли шерсть укрывала защитной формацией того зверя? А может, то и вовсе не был зверем. Не знаю. Даже сейчас, сидя перед костром в сумерках, где шатаются тени высоких стволов деревьев, и вдыхая аромат мяса, я не помнил, как оно выглядит.

— Ты знал? — на голову опустилась тяжёлая, но теплая и большая рука отца. — у тебя есть дядя, Эктор звать.

— Эктор?

— Да! Очень тихий брат, не любит слова на воздух выбрасывать, все на уме держит себе глупости, — после короткого рассказа, большой мужчина откинулся назад, спиной о ствол дерева. — помню, ещё когда мы вместе учились, он подражал учителю. «Хочу, как он! Быть крутым!» Во как говорил. Ха-ха! Ну не забавный ли у тебя дядя? О, он очень весёлый, пусть и

пытается казаться суровым начальником.

Глаза отца блестели цветом огня, но кроме этого, там затесалась печаль. Тогда мне удалось заметить ту печаль, и я спросил:

— Мы пойдем к нему?

Впервые за пять или четыре года я спросил о нашем направлении. Снег, дождь, солнце, день и ночь. Все это просто второсортный фон, когда моя жизнь происходит прямо тут. Перед костром в ожидании еды, я и жил. А Отец рассказывал своим глубоким голосом о всём на свете. И о нелетающих птицах, и розовых бычках, и о том, как выглядят повелители неба — Драконы, и как встречал он демонов и звероловов. Ему нравилось кормить мой рот не только мясом, но и приятными историями. Мне большего и не надо было. Умудрялся же я отнекиваться от его стремления мне все показать воочию, если я уже все слышал, к чему подобное? Но тот отнекивалась, шутливо трепал за щёки: «Лучше увидеть своими глазами».

— Да, обязательно пойдем... когда-нибудь.

Грусть родного отца была большой, большей чем маленький я, мог себе представить.

Забылся упомянуть одну вещь, без которой сложно понять, чем занимался отец. Значительная деталь, из которой становилось ясно, зачем мы путешествуем. «Просто так», не было причиной. Вернее, то была веская причина для прошлого меня, пяти лет от роду, просто потому что, не приходилось мне считать тех, с кем мы встречались кем-то важным. Как и с убитым зверем и его мясом. Мне помнились снопы зелёных искр, белые одеяния и прочие атрибуты Целителей, как их называл Отец. Ни одного лица, никогда, я так и не запомнил.

Непонимающий я, реагировал на них слабо и на этом всё. Какая мне разница, когда врач качал головой утверждая: «Ничем не могу помочь». И так раз за разом. Пять лет подряд. Всю свою жизнь я... проигрывал.

С последнего целителя прошёл год. Кажется, столько. Тогда же, привычная для меня сцена приготовления еды закралась в память, как самая приятная.

— Ты сильный, Рутра. Сильный как твой дядя, — почему-то тогда, Отцу было тяжело говорить, он тяжело дышал, говоря мне эти слова. Ничего, что бы заставило меня волноваться о его здоровье, ведь меня больше возмутили слова.

— Но я хочу быть сильным как ты!

— Ха-ха-ха, весь в дядю, весь в Эктора. Не бойся, ты и глазом моргнуть не успеешь, как будешь силен как я, — он прерывался на кашель, и только тогда я заметил то, чего не желал видеть. Тело отца было большим, а он сам напоминал огромного медведя. Его руки толще ствола дерева и ладонями он мог зачерпнуть целое море. Мой отец был большим — великаном! Но великаном смиренным и больным.

— О-отец, что с тобой? Ты болен?! — впервые в жизни я забеспокоился о его здоровье. Поскольку это было впервые, я не представлял, что делать. Куда смотреть, что делать руками и как говорить словами. Все беспокойство было таким четким и буквальным. Его можно было потрогать, что и сделал отец, ущипнув меня за щеку. Я моментально отпрянул от боли, а после слегка недовольно надулся.

Он засмеялся без тени болезни, без хрипоты или боли. Смеялся так, как смеялся всегда.

— Не плачь, сын мой. Ещё рано мне к предкам, они подождут, умеют ждать, — но даже такое притворное, лживое и неуместное сравнение, не сработало на мне. Из глаз выступили первые слезы, а в горле на предсмертной агонии бился огромный ком. Моя нижняя губа покатилась вниз, а глаза сощурились. — Рутра, помнишь я говорил тебе о твоих глазах?

Выбить из меня слова было невозможно, я слишком сильно поддался настроению плакать.

— У тебя сильные глаза, глаза твоей матери. И сколь же они могучие, столь же слабо тело. Поэтому мы найдём того, кто исправит эту несправедливость. Ну-ну, не печалься и сотри эти слёзы, со мной все в порядке, а ты мужчина и должен быть сильным.

Не верил я ему, ни тогда, ни сейчас. Он просто пытался задобрить отпрыска смелыми словами. Отвлечь от того что на самом деле важно. Ведь лечить надо было вовсе не меня, но его.

— Эх, что ж с тобой поделаться, — большая рука взъерошила мои непослушные волосы, а Отец как это часто и бывало ранее начал рассказ. Медленный, глубокий голос отдавал мне свое спокойствие, словно он отрывал кусочек себя и давал его мне. — ранее, я хотел поведать тебе о том, чего ты не видел, что ещё сможешь увидеть, но... думаю, пора рассказать и немного о том, кто все время находился перед твоими глазами. Раньше, ты, кажется не спрашивал, но знаешь ли ты кто я?

— ...Отец.

— Хм, как ни странно, ты прав, но я не только отец. Я воин и авантюрист. А ещё бывший страж на службе у короля, а если спросишь какого королевства, то, увы, нет больше его на картах мира. Может на старых пергаментях ещё сохранились записи о том времени, и не смори на меня таким взглядом. Оно развалилось больше полувека назад, в то время я был ещё наивным юнцом, дитем, но дитем удалым, — Отец говорил, все говорил и говорил. Так много имен, званий и должностей, что казалось, он успел побывать всеми на свете, от простого фермера до придворного рыцаря самого короля.

Протирая мои слезы, мои стеклянные глаза, он вновь вспоминал мою мать. И снова глаза, которые я унаследовал, были точно её. Станный Отец, который не любил вспоминать о себе, будто бы его слава должна схорониться вместе с ним навеки. Моя сила от дяди, а глаза как у мамы, но что я забрал у отца?

Мне хотелось быть как он, правда я понимал, не бывать мне большим как отец, не быть стойким как он, не собрать те бесчисленные титулы, которым нет счёта. Я желал что-то взять у него, всем сердцем молил небо даровать мне хоть каплю его силы и мужества, хотелось, чтобы он меня похвалил, сказал: «молодчина» не просто потому что я рядом, а потому что помог ему завалить зверя, помог ему хоть чем-то. Моё сердце желало заслужить похвалу.

— Знаешь сын мой... мне известно, что тебя гложет, — в костре треснула ветка, посылая искристый посыл. — тебе ведь так хочется унаследовать что-то мое. Правда в том, что я не желаю передавать свою волю кому бы то ни было. Так делали мои предки, но мне так делать не угодно, — только мои губы собирались возразить, как меня опередили, продолжив. — моя жизнь не так хороша, как тебе может казаться. Дети должны жить лучше своих родителей. Ты силён Рутра, сильнее меня. Так удержи её, свою силу в руках. Сожми её крепко, как если бы без неё ты уже умер, и улыбайся. Улыбайся каждому встречному, так ты найдешь свое мужество, так ты унаследуешь мою волю и то, что должно быть забыто...

Когда он только появился в посёлке, мое мнение о нём было негативным. Очередной надменный павлин, умеющий только командовать. Пришёл как бушующий шторм, которого никто кроме меня не замечал. Тогда я ещё подумал, мол: «Я должен за ним приглядывать». Самый настоящий лицедей о которых мне рассказывал дядя Эктор. Было в Отце и дяде Экторе что-то родственное. Оба любили поучать, ссылаясь на собственный жизненный опыт. Если Отец твердил о нём более позитивно, рассказывая о животных, травах их видах и пейзажах, то дядя Эктор опасно остерегал меня, не только от опасностей, но и от людей снаружи. Все время качал пальцем у моего лица, повторяя одно и то же изречение, раз за разом, каждый божий день.

«Остерегайся аристократов». Слово те ему в прошлом пятки кусали и жить не давали или обливали содержимым ночного горшка.

Все, что я мог сделать, это кивнуть и пойти дальше махать мечом. Мне казалось в эту маленькую деревушку никогда в жизни не заедет аристократия, потому и бояться мне нечего. Я был прав, но лишь отчасти. Пачкать ноги в земле крестьянской, высшая знать не желала, а те, кто приезжал, посылал вперёд себя посла. Зачастую они просто уточняли направление, и особо не заезжали. Большинство взрослых с деревни в разъездах, как и дядя стоят где-нибудь на карауле и только отсчитывают секунды, когда же наступит время, вернуться. В Рэ'Пал нет постоянной работы, как кроме сельской суеты, вот сильнейшие воины отсюда и бегут в поисках заработка. Остался один воин — Эктор.

Нилрем — высокий парень, если не моих лет, то не намного младше, со светлыми, золотистыми волосами и голубыми глазами, об которые мне по первой не посчастливилось споткнуться. Непонятное беспокойство наполнило мое сердце, когда я впервые столкнулся с ним лицом к лицу. В первую нашу встречу, его скучающее выражение лица даже не заметило меня и отшвырнуло как помеху полностью озадачив дядю. Не выразить словами, как я был удивлён, когда Эктор принял вызов этого парня.

Для меня исход был очевиден, победа в руках брата Отца, но даже так, далась она на удивление сложно. То, что вытворял Нилрем Грейрат... была ли то магия? Та самая о которой Отец мне все время твердил? Та, которую надо зачитывать словами в лучшем случае несколько секунд? Тогда почему он использовал её мгновенно? Это невысказано, невообразимо, неправильно...

Верно, я оказался очарован силой, которой обладал парень моих лет. Может потому и придумал себе повод ходить за ним? Хотел откусить буквально кусочек таланта, наблюдая за его действиями, манерами, жестами, магией. Может потому меня тянет настоящий талант, когда я ощущаю фальшивость в себе? Нет!

Дело вовсе не в таланте, или силе, все дело в его речи. Мне не кажется, что он меня хоть раз обманывал. За месяц, что его здесь вижу, ещё ни разу Нилрем не врал мне по поводу моих умений, не пытался сгладить ситуацию, как это делает дядя, не бросался в карьер постыдных измышительств, как это делают деревенские дети.

"Я тебя использую" искренние слова правды чаще всего выходили из Нилрема. Других он притворно называл друзьями, но я вижу, никто из деревенских не стал ему другом, даже товарищем.

Но даже так, мне удалось найти себе спасение. Нилрем оказался до жути невыносимым парнем, который не терпит непослушания или отказа в деле, которое касается его самого. Впрочем, не все распри проходят в формате: «Я сильнее, потому прав». Ему хватает ума

заимствовать чужие умение и силу ради собственного блага, подкупая умельца какой-то услугой, это мне и не нравилось. За примером далеко блуждать не нужно. Микаэль, сына Травника нашего посёлка, он старше меня и Нила на целых пять лет. Колоссальная разница в возрасте не помешала мне запечатлеть сцену, где Микаэль склонил голову перед возможностями мага.

Ещё три года назад, когда я впервые приехал с Отцом в эту деревню, ещё в первый день, меня не приняли. Справедливо упомянуть, что я вообще мало общался, и мог показаться парням нелюдимым отшельником, потому, когда меня так и оставили в Рэ'Пал, со мной особо никто не говорил.

Особой грусти не ощущал, понимая, как выгляжу со стороны.

Потому даже спустя три года я продолжал жить так, как меня напутствовал родитель. С широкой улыбкой, помогать всем нуждающимся. Если моя жизнь так коротка, я должен был потратить её на что-то полезное. Это мой долг, мое бремя. Мне не хотелось оказаться забытым, как когда-то забыли одно Королевство, как когда-то забудут одного его рыцаря.

Именно поэтому, я совершенно точно, не ожидал поступка Нилрема. Как гром среди ясного неба, как снег в летнюю жару, он заявил, как сделает меня сильнее. Обставил все так, словно дело было в окружающих, но мои глаза не проведешь. Все так часто твердят о моем пронзающем взгляде, что я не уверен, враки ли это. В одном я был точно уверен Нилрем Грейрат ведь...

Да, кажется, начал понимать, чего же в первый раз так оступился, повинуюсь внутреннему зову. Бессознательный приказ исполнял каждый одногодка в его окружении. Та аура, тот ореол на солнце, кажется, он словно светится лучезарной уверенностью. Не так как мой Отец. Однако в глазах Нилрема скрывался другой мир, другая жизнь в которой он повидал так много чудес. Точно так же, как и мой Отец.

Надежный и всезнающий. Наверное, потому, я так быстро доверился тому, кого знал всего месяц. Тому, кто прямо заявляет о своих отношениях и мыслях. Тот, кто поможет мне, поможет вернуть у судьбы то, что она несправедливо забрала у меня.

Подобно ранним воспоминаниям, я помню все слова, сказанные моим Отцом перед тем, как он ушел и больше не вернулся.

Мне помнится его тщедушный взгляд, который перестал светиться, его немощные руки, которые не могли более меня защищать, и его слабые слова, звучащие как далёкий вой ветра:

— А ты знал? Сын мой, ты знал какая у меня мечта?

— Какая?

— За все время, которое я потратил, за всеми профессиями, которые примерил, мне больше всего, всегда хотелось оказаться настоящим героем, таким, который спасет всех от злых бед и спасет мир от короля демонов. Но, жизнь взяла своё, и я не смог защитить людей, Королевство, семью и даже тебя, мой маленький принц. Я не сумел защитить никого, и прошу тебя об одном. Рутра. Не спасай других, не тянись за моей мечтой. Спаси себя, и никого больше.